

УДК [001:930] (477.75) – 057.4

А. А. НЕПОМНЯЩИЙ

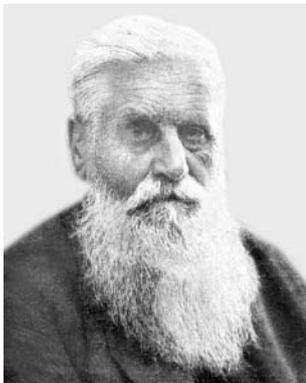
**Николай Эрнст и Николай Репников:
к истории одного конфликта**

В научный оборот вводятся неизвестные ранее материалы к биографии археолога Николая Эрнста – выдающегося деятеля отечественного музееведения, организатора памятникоохрнительной работы в Крыму. Исследование является ценным источником по истории науки в Крыму в 20-х годах XX века, в частности – «готской проблемы».

Ключевые слова: Николай Эрнст, «готская проблема», Николай Репников.

С началом жизни и научных исследований в Крыму, где Н.Л. Эрнст оказался в конце 1918 г., мир его учебных контактов значительно расширился. От педантичной службы библиотекаря-книговеда, так импонировавшей в свое время молодому немцу, он довольно скоро отошел, ввязавшись в работу Ученого Совещания и комиссии по реквизициям культурных ценностей. Открывшиеся просторы для изучения памятников истории и культуры развернули интересы первого директора библиотеки Таврического университета от книжных полок к археологическим исследованиям. Этому способствовали и прочно вошедшие в жизнь Н.Л. Эрнста пешеходные экскурсии по неизведанному краю. В свою очередь, интерес к археологическим памятникам принес с собой многочисленные знакомства в новом мире – историков-крымоведов.

Научное бытие любого ученого невозможно только внутри самого себя. Контакты с коллегами, которые трудятся на том же проблемном поле, совместные исследования, консультации, презентации своих трудов, рецензирование, научная полемика – все это неперемненные составляющие научного труда. Состояние и динамика жизни любого научного работника, как и академического объединения, в значительной степени определяются «интертекстуальностью» бытования норм интеллектуального труда. Сам круг профессионального общения является опреде-

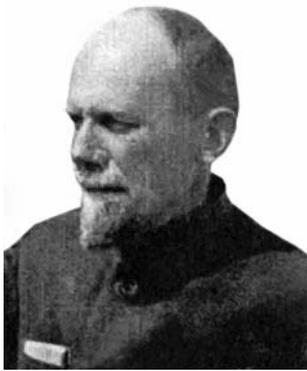
А.И. Маркевич

ленным индикатором признания и авторитета того или иного деятеля науки. Эпистолярное наследие Н.Л. Эрнста, к сожалению, не так хорошо дошло до нас, как письма Арсения Ивановича Маркевича к коллегам-крымоведам по всей стране. Хотя, судя по восстановленным нами линиям межличностных коммуникаций Николая Львовича, на протяжении 20-х – 30-х годов XX века его эпистолярное общение с коллегами было никак не менее, а гораздо обширнее, чем переписка его современников – крымских ученых. Новые контакты, прежде всего, работа в Ученом Совете, позволили Николаю Львовичу быстро войти в круг крымоведов как местного, так и из академических центров, которые активно проводили полевые исследования на полуострове. Так у Н.Л. Эрнста начал формироваться круг единомышленников, близких друзей на научном поприще.

Уже в 1919 г. он познакомился с крупным музейным деятелем, археологом Константином Эдуардовичем Гриневичем (1891–1970), работавшим тогда директором Керченского музея древностей (1919–1921). Служебное общение довольно быстро переросло в дружеское и продолжалось во время директорства К.Э. Гриневича в Херсонесском музее (1924–1927), и после его перевода в Москву, где он работал заместителем заведующего Музейным отделом Наркомпроса РСФСР, заведующим отделом скульптуры Музея изобразительных искусств, ученым секретарем Всесоюзного общества культурной связи с заграницей, доцентом Московского государственного университета [1]. Николай Львович неоднократно приезжал к нему в Москву, а К.Э. Гриневич, в свою очередь, при каждой поездке в Крым обязательно навещал Н.Л. Эрнста.

В 1924 г. Н. Л. Эрнст начал сотрудничать с бывшими тогда неразлучными друзьями археологами Алексеем Степановичем Башкировым (1885–1963) [2] и Ильей Николаевичем Бороздиным (1865–1938) [3], которые приехали в Крым в составе совместной экспедиции Всесоюзной научной ассоциации востоковедения и Совета Народных Комиссаров Крымской АССР. Научные контакты и дружба ученых с этого времени стали постоянными. Уже в 1926 г. они проводили совместные раскопки в Кырк-Азислере у Бахчисарая [4].

Перечень научных и личных контактов Н.Л. Эрнста можно было бы продолжать еще долго. Однако, как и у любого крупного специалиста, на ученом пути у Николая Львовича встречались не только похожие на него самого, высокоинтеллигентные представители академических кругов или же выходцы из местных краеведческих обществ. Приходилось сталкиваться с непониманием, иногда – высокомерием некоторых столичных «авторитетов», а порой и открытым хам-

Н.И. Репников

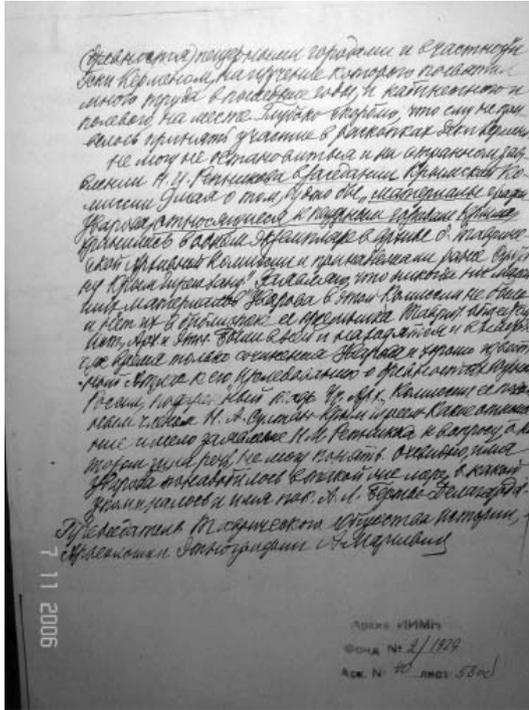
ством. В этой связи показателен его научный конфликт с крупным археологом, крымоведом Н.И. Репниковым (1882–1940).

Николай Иванович Репников родился в Санкт-Петербурге 9 апреля 1882 г. в крестьянской семье. Его отец работал бурлаком на лесных сплавах Громовых, а мать вела хозяйство и занималась воспитанием сына. После окончания в 1901 г. коммерческого училища, в следующем году Н.И. Репников поступил в Археологический институт. С этого же времени началась его трудовая деятельность в качестве сотрудника Археологической комиссии. Уже в двадцатилетнем возрасте он начал самостоятельные полевые исследования в Тверской и Новгородской губерниях. В 1904 г., после успешного завершения курса в Археологическом институте (был выпущен со званием члена-сотрудника), Николай Иванович провел полевой сезон в Крыму, а после возвращения в столицу поступил вольнослушателем на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, где учился до 1908 г. В это время происходит его становление как археолога-полевика. Особую роль в этом процессе сыграл надсмотрщик над археологическими работами Керченского музея древностей – С.П. Петренко. О нем Н.И. Репников вспоминал:

Семен Петрович вводил меня в самую сокровенную своих знаний и опыта, выработанного долгим и пристальным наблюдением, смею утверждать, – недоступного большинству наших археологов.

Заболев в 1908 г. в Херсонесе малярией и крупозным воспалением легких, Н.И. Репников остался жив лишь благодаря заботам С.П. Петренко, который «выносил его на руках как нянька». В 1910 г. началось сотрудничество Н.И. Репникова с Этнографическим отделом Русского музея, где он являлся хранителем археологической коллекции, насчитывавшей к тому времени более 5 тыс. единиц учета. В этот период Николай Иванович развернул значительные археологические исследования в Старой Ладогe, занимаясь исследованием древнерусского искусства.

Раскопки Н.И. Репникова в Крыму начались с 1903 г. и продолжались с некоторыми перерывами до самой смерти. В год смерти ученого (†1940) приходится его последняя экспедиционная поездка в Крым. Систематические разведки и раскопки Николая Ивановича охватили широкий круг памятников Крымского нагорья (от каменных ящиков (дольменов) первобытных эпох до остатков эпохи Крымского ханства). Основные его научные интересы тут были сосредоточены на памятниках ранне-средневековья: Византийский Херсон, готский могильник Суук-Су, Партенитская базилика VIII века, «пещерные города». С 1926 г. Н.И. Репников проводил ежегодные раскопки в Эски-Кермене и изучал одновременные памятники Нагорья. Выявленный

Письмо А.И. Маркевича в Государственную академию истории материальной культуры

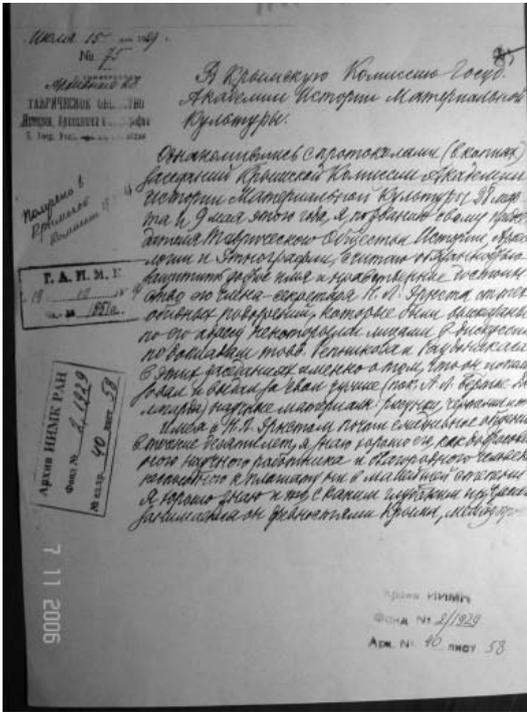
дования Севастопольских краеведов под руководством П.П. Бобенчикова также продолжались. На обвинения Н.Л. Эрнста о том, что Н.И. Репников захватил «чужой» памятник, в АН СССР в 1929 г. была направлена коллективная резолюция Севастопольского музея краеведения, сотрудники которого постановили «считать первым углубленно-научным изучением этого памятника <...> раскопки 1926 г., которые велись <...> Репниковым и были поставлены безукоризненно широко <...> в тесном <...> контакте с <...> Севастопольским музеем краеведения» [8].

В феврале 1929 г. в Москве было проведено совместное заседание Центральных государственных реставрационных мастерских и Московского отделения Общества по изучению Крыма [9]. По вопросу «изучения пребывания готов в Крыму». С докладами выступили А.И. Анисимов, Ю.В. Готье, Н.И. Репников. К заседанию была открыта выставка из материалов экспедиций Н.И. Репникова. Историк отождествлял Эски-Кермен с Доросом – столицей Крымской Готии. В то время как Н.Л. Эрнст считал эту версию ошибочной и связывал Дорос с Мангупом. В марте 1929 г. Комиссия по исто-

им обильный разнообразный материал, дал археологу возможность сделать предположения о социальном строе Крымской Готии, развитии Эски-Кермена и Мангупа [5].

Научные интересы Н.Л. Эрнста и Н.И. Репникова столкнулись в Эски-Кермене.

Николай Львович начал эпизодические исследования на плато Эски-Кермена еще в 1921 г. В 1923–1926 годах работы на памятнике проводил Севастопольский музей краеведения [6]. С 1927 года Центральные государственные реставрационные мастерские [7] совместно с Главнаукой Наркомпроса РСФСР организовали специальную Эски-Керменскую экспедицию, во главе которой был поставлен Н.И. Репников. При этом исследова-

Письмо А.И. Маркевича в Государственную академию истории материальной культуры

рии знаний, Византийская и Археографическая комиссии АН СССР провели совместное заседание по «вопросу об открытии в Эски-Кермен (Крыму) готского города». Были заслушаны доклады А.И. Анисимова «Росписи Эски-Кермена», В.А. Брига «Изучение готской культуры в русской историографии», Б.Н. Вишневого «Антропологический материал Эски-Кермена», Н.А. Репникова «Эски-Кермен в свете археологических работ 1928 года» [10].

12 апреля 1929 г. в письме к академику Сергею Федоровичу Платонову [11] Арсений Иванович Маркевич тогда представил свое видение конфликта, развернувшегося между ними. Николая Львовича А.И. Маркевич знал, конечно,

лучше, чем Н.И. Репникова. Каждый из них просил Академию наук о разрешении на организацию собственной экспедиции, чего Арсений Иванович не рекомендовал делать: «Вдвоем они сразу переругаются» [12]. При этом А.И. Маркевич охарактеризовал для С.Ф. Платонова Н.Л. Эрнста: «Н.Л. Эрнст высокообразованный человек, работающий вполне научно, с немецкой выдержкой, осторожно, аккуратно, но копал только курганы и пещеры, да городище в Симферополе» [13]. При всей сложности, даже антагонизме, отношений Н.И. Репникова и Н.Л. Эрнста А.И. Маркевич советовал С.Ф. Платонову использовать в деле изучения Эски-Кермена опыт обоих археологов. «Оба они дополняют друг друга», – заключал он [14].

С.Ф. Платонов в последующем постоянно интересовался ходом исследований на Эски-Кермене, а Арсений Иванович подробно информировал его о положении дел. Так, 24 мая 1929 г. он сообщал в Ленинград:

Как председателя Таврического общества истории, археологии и этнографии меня, конечно, сильно смущали и волновали нелады Н.И. Репникова с Н.Л. Эрн-

стом, я очень желал бы, чтобы они прекратились, и самолюбие и того и другого лица было принесено в жертву науки. Но отношение между ними осложнялись, захватили широкие научные сферы, целые учреждения, причем ни Москва, ни Ленинград не проявили, как будто, желания помирить двух научных работников, хотя бы путем третейского суда, на что, насколько я осведомлен, Н.Л. Эрнст охотно бы согласился. Оба эти лица искренне преданы науке, оба они связаны своей работой с Эски-Керменом, – по-моему, Эрнст больше, но это все равно, – и участие обоих в Эски-Керменских раскопках не может не вызывать сочувствия, равно как и устранение того и другого должно вызывать только сожаление [15].

В связи с описываемыми событиями интересно письмо Н.Л. Эрнста, адресованное В.И. Вернадскому. Не зная, где в данный момент находится Владимир Иванович, Николай Львович написал два экземпляра письма с одинаковым текстом. Один он отправил в Москву (оно выявлено нами в личном архивном фонде В.И. Вернадского, автограф) [16], другой – в Ленинград, в Комиссию по истории знаний [17] (сохранилось в архивном фонде Комиссии, автограф). Поводом для поспешного написания письма стала телеграмма В.И. Вернадского, в которой Н.Л. Эрнст приглашался на заседание Академии наук в связи с обсуждением там вопроса об Эски-Кермене. Николай Львович находился в это время в Киеве, в гостях у брата и сестер. Оттуда он и писал 21 марта 1929 г.:

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Мне переслали сюда в Киев Вашу телеграмму с сообщением о предстоящем 24 марта заседании в Академии наук об Эски-Кермене и с приглашением мне принять в нем участие. Спешу выразить Вам глубокую благодарность за Ваше внимание и очень сожалею, что не повидался с Вами в Ленинграде.

Я знал, будучи в Ленинграде, об этом заседании, но, несмотря на мою чрезвычайную личную заинтересованность в его теме, не остался для участия в нем; в Москве я присутствовал в конце февраля на таком же докладе Н.И. Репникова и также воздержался от всякого выступления на нем.

Дело в том, что я занимался изучением Эски-Кермена вплотную давно, с 1921 г., делал доклады о результатах этого изучения на Керченской Археологической Конференции в 1926 г., в Москве и Ленинграде (в ГАИМКе) в 1927 г., написал большую работу об Эски-Кермене и проблеме пещерных городов в Крыму, с чертежами и фотографиями, и предполагал в 1927 и 1928 гг. раскопки Эски-Кермена как продолжение своего изучения надземных памятников этого городища. Однако в это же время Эски-Кермен пожелал изучать и раскапывать Н.И. Репников, причем отеснил меня от этой работы при помощи способов и приемов, которые сделали для меня невозможной совместную с ним работу. Ввиду того, что подобные склоки в научной работе производят всегда крайне угнетающее впечатление и только вредят делу, ввиду того, что я, живя в Симферополе, совершенно бессилен в отстаивании себя, а Н.И. Репников имеет гораздо большую возможность добывать ассигнования на раскопки, ввиду того, наконец, что я человек миролюбивый и всяких свар избегаю, я отстранился от дальнейшей работы на Эски-Кермене.

К сожалению, я сейчас не могу представить Вам свою работу об Эски-Кермене, так как рукопись ее лежит (уже почти два года) в Москве в ожидании напечатания.

Я бы очень хотел принять дальнейшее посильное участие в работе по исследованию Эски-Кермена, если только это не будет связано с какими-либо натянутыми или конфликтными взаимоотношениями с Н.И. Репниковым. С.Ф. Платонов говорил мне, что Эски-Керменом чрезвычайно интересуются в Германии и что даже возможна организация изучения его германскими учеными. Я считал бы это чрезвычайно желательным и, конечно, принял бы самое горячее участие и оказал бы всевозможное содействие, тем более что сам имею близкую связь с германской наукой (я член Берлинского университета). Однако я считаю необходимой величайшую осторожность в связывании Эски-Кермена с готами. Эта связь, конечно, имелась, но она не так проста и не так легко дается, как кажется. Приурочение к Эски-Кермену готской столицы Дороса я считаю совершенно неосновательным: Дорос – все-таки Мангуп. Добытые на Эски-Кермене черепа, наверно, греческие по своим свойствам, а не готские.

Мои основные мысли об Эски-Кермене и пещерных городах следующие.

1. В литературе до сих пор пещерные города считались или сооружениями доисторическими, или связанными с иконоборческой эпохой. Я считаю то и другое неверным. Все данные из Эски-Кермена и других пещерных городов (без раскопок) указывали на позднее средневековье.

2. На Эски-Кермене пещерные сооружения были лишь хозяйственным, служебным придатком к обширному надземному городу, расположенному на его плане, где сохранились многочисленные развалины, подлежащие раскопке, особенно обширная базилика.

3. Эски-Кермен был укрепленным пунктом, но подчиненного значения по сравнению с Мангупом-Доросом.

4. Живопись в пещерных церквах Эски-Кермена (всех церквей – 7, с живописью на Эски-Кермене – 2 и над древней Черкес-Кермен – 1) чрезвычайно интересна и подлежит изучению (особенно в последней церкви). Она относится к XIV–XV вв.

5. Пещерные города как-то связаны с готским княжеством, однако традиция создания таких сооружений попала в Крым через греков из Каппадокии.

6. Эски-Кермен прекратил свое существование в конце XV в. с турецким завоеванием.

Выражая еще раз, многоуважаемый Владимир Иванович, благодарность за Ваше ко мне внимание, остаюсь готовый к услугам.

Ваш Н. Эрнст [18].

В июле 1929 г. А.И. Маркевич занимался организацией поездки С.Ф. Платонова в Крым. 19 июля он сообщал академику, что, если тот откажется от ночевки в его доме и захочет поселиться в гостиницу, лучшими в Симферополе являются «Ленинградская» и «Дом крестьянина» [19]. Сергей Федорович планировал отдохнуть в Гаспре, а затем на Эски-Кермене встретиться с немецкими учеными Зауером и Финдейзенем. Готовясь к этой встрече, С.Ф. Платонов, при содействии А.И. Маркевича, внимательно ознакомился с результатами исследований Н.И. Репникова на Эски-Кермене и даже опубликовал в «Вестнике знания» небольшое сообщение о ходе работ [20].

А.И. Маркевич

К середине 1929 г. противостояние Н.И. Репникова и Н.Л. Эрнста достигло своего апогея. Об этом Арсений Иванович информировал С.Ф. Платонова как академика-секретаря Отделения гуманитарных наук АН СССР. Николай Иванович Репников, организовавший крупномасштабное исследование Эски-Кермена, все силы отдавал этому делу. Об этом красноречиво свидетельствует его переписка с искусствоведом, руководителем Комиссии по сохранению и раскрытию памятников древней живописи в России Центральных государственных реставрационных мастерских Александром Ивановичем Анисимовым (1877–1937), отложившаяся в личном архивном фонде последнего в Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи [21]. Подробную информацию по этому же вопросу содержит переписка Н.И. Репникова с заведующим Реставрационным подотделом Центральных государственных реставрационных мастерских Игорем Эммануиловичем Грабарем (1871–1960), которая не так давно была опубликована на страницах «Исторического наследия Крыма» [22]. Документы, касающиеся этого конфликта, выявленные в различных архивах, свидетельствуют о желании Н.И. Репникова замкнуть исключительно на себе изучение Эски-Кермена. При этом, увы, как это нередко бывает в научном сообществе, для доказательства собственной правоты Н.И. Репников и поддерживавший его В.И. Равдоникас [23], не брезговали никакими средствами. На заседаниях Крымской комиссии Государственной академии истории материальной культуры 28 марта и 9 мая 1929 г. в сторону Н.Л. Эрнста сыпались обвинения не только в неумелом, а, следовательно и некачественном, проведении археологических раскопок, но и в плагиате. Ученому инкриминировали использование без указания авторства трудов, присвоение себе чертежей и рисунков, выполненных еще Александром Львовичем Бертье-Делагардом [24]. В.И. Равдоникас и Н.И. Репников безапелляционно утверждали, что Н.Л. Эрнст использовал для своих научных интересов материалы архива бывшей Таврической ученой архивной комиссии, в частности, хранившиеся там бумаги (описания археологических работ, чертежи и планы раскопок) основателя Московского археологического общества Алексея Сергеевича Уварова (1824–1884) [25].

Интересный источник, связанный с этим вопросом, нам удалось обнаружить в рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН. Это письмо А.И. Маркевича в Крымскую комиссию Государственной академии истории материальной культуры от 15 июля 1929 года. Приводим его текст полностью.

Ознакомившись с протоколами (в копиях) заседаний Крымской Комиссии Академии Истории Материальной Культуры 28 марта и 9 мая этого года, я по званию свое-

му председателя Таврического Общества Истории, Археологии и Этнографии, считаю обязанностью защитить доброе имя и нравственное достоинство его члена – секретаря Н.Л. Эрнста от тех обидных подозрений, которые были высказаны по его адресу некоторыми лицами в дискуссии по докладам тов. Репникова и Раудоникаса [Равдоникас – *авт.*] в этих заседаниях именно о том, что он использовал и выдал за свои чужие (пок[ойного] А.Л. Бертье-Делагарда) научные материалы: рисунки, чертежи и т.п.

Имея с Н.Л. Эрнстом почти ежедневное общение в течение десяти лет, я знаю хорошо его, как добросовестного научного работника и благородного человека, неспособного к плагиату ни в малейшей степени. Я хорошо знаю и то, с каким глубоким интересом занимается он древностями Крыма, между прочим пещерными городами и, в частности, Эски Керменом, на изучение которого посвятил много труда в последние годы, и кабинетного и полевого, на месте. Глубоко скорблю, что ему не привелось принять участие в раскопках Эски Кермена.

Не могу не остановиться и на странном заявлении Н.И. Репникова в заседании Крымской Комиссии 9 мая о том, [что] будто бы, «материалы [подчеркнуто в документе – *авт.*] графа Уварова, относящиеся к пещерным городам Крыма, хранились в одном экземпляре в Архиве б[ывшей] Таврической Архивной Комиссии и принадлежали ранее Султану Крым Гирею Хану». Заявляю, что никогда ни малейших материалов Уварова в этой Комиссии не было и нет их в библиотеке ее преемника Таврич[еского] Общества Ист[ории], Арх[еологии] и Этн[ографии]. Были в ней и находятся в настоящее время только сочинения Уварова и хорошо известный Атлас к его «Исследованию о древностях Южной России», подаренный Тавр[ической] Уч[еной] Арх[ивной] Комиссии ее покойным членом Н.А. Султан-Крым Гиреем. Какое отношение имело заявление Н.И. Репникова к вопросу, о котором шла речь, не могу понять. Очевидно, имя Уварова понадобилось в такой же мере, в какой упоминалось и имя пок[ойного] А.Л. Бертье-Делагарда.

Председатель Таврического Общества Истории, Археологии и Этнографии А. Маркевич [26].

Во второй половине 20-х годов XX века наблюдался всплеск активности советско-германских отношений. Это выразилось в обмене специалистами и организации научных контактов. В июле 1928 года в Германии прошла неделя советских историков, где СССР представлял академик С.Ф. Платонов, а в сентябре того же года в Советский Союз с ответным визитом прибыл президент Объединения для содействия немецкой науки государственного министра Ф. Шмидт-Отт и секретарь Общества по изучению Восточной Европы Г. Йонас, которые посетили различные советские научные учреждения [27].

Узнав от археолога Александра Андреевича Спицына об открытиях Н.И. Репникова в 1928 г. на Эски-Кермене крупного поселения с остатками крепостной стены, С.Ф. Платонов поделился этой информацией со своим другом Федором Александровичем Брауном (1862–1942), который до своей эмиграции в Германию активно разрабатывал крымоведческие сюжеты [28]. Это было вполне логично с учетом давних научных связей двух ученых. Заметим, что именно С.Ф. Платонов рекомендовал Ф.А. Брауна к избранию в члены-корреспонденты АН СССР [29].

Ф.А. Браун, в свою очередь, проинформировал об успехах советских археологов своих немецких коллег, которые выступили инициаторами организации совместной советско-германской экспедиции в Крым для решения «готской проблемы». С.Ф. Платонов поддержал эту идею и 11 апреля 1929 г. обратился с письмом к заведующему отделом научных учреждений Совета Народных Комиссаров СССР Е.В. Воронову [30]. Получив согласие этого чиновника, С.Ф. Платонов 24 апреля 1929 г. провел через Общее собрание АН СССР решение о необходимости организации археологических исследований в Крыму совместно с германскими учеными [31]. Вот почему академик так пристально интересовался у А.И. Маркевича положением дел на Эски-Кермене, взаимоотношениями Н.И. Репникова и Н.Л. Эрнста [32]. Именно поэтому, приехав в Крым на отдых в августе 1929 г., он планировал посетить Эски-Кермен и лично сопровождать немецких ученых. Но обстоятельства распорядились иначе...

Отдохнув в Гаспре, С.Ф. Платонов так и не дождался немецких археологов, которых он намеревался лично встретить в Симферополе. В начале сентября он вынужден был вернуться в Ленинград. Причиной этому было не окончание срока отпуска, а начавшаяся в это время «чистка» Академии наук – работа Комиссии по проверке аппарата учреждений Академии наук СССР [33].

Представители Германского археологического общества профессор христианской археологии и истории искусств теологического факультета Университета Альберта Людвига в Фрейбурге И. Зауер, по описанию Н.Л. Эрнста «старик, неуклюжий, видимо, католический священник, археолог, очень знающий» [34] и доктор Г. Финдейзен – «молодой, шустрый, этнограф из берлинского Музея народоведения, специалист по этнографии России» [35] («женатый на русской») – приехали в Крым в контексте совместной программы советской и германской академии наук по организации совместных раскопок готских древностей в Крыму [36]. Пока немцы должны были только ознакомиться с объектами будущих раскопок и определить объемы дальнейших совместных исследований, согласно чему германской стороной выделялось финансирование. Проехав пункт назначения, немецкие археологи по ошибке вышли в Севастополе, откуда их сразу же автомобилем вернули в Симферополь [37].

Уезжая из Крыма, С.Ф. Платонов перепоручил все организационные заботы о И. Зауере и Г. Финдейзене Арсению Ивановичу Маркевичу. 9 сентября 1929 г. последний писал в Ленинград о том, как проходила подготовка к встрече немцев, их прибытию и времяпрепровождению [38]. 13 сентября 1929 г. он сообщал в Ленинград об исследованиях на Эски-Кермене Зауера: «Я принял все старания, чтобы в должной мере заинтересовать немцев Эски-Керменом в интересах осуществления проблемы снаряжения целой экспедиции немецких ученых в Крым для раскопок в этом пункте в следующем году» [39]. Уже 23 сентября 1929 г. он подытоживал: «Самое важное – немцы в высшей степени довольны всем виден-

ным в Крыму, в частности в Э[ски]-К[ермене] и проблема крупных раскопок в будущем году, упрочилась» [40].

23 сентября 1929 г., сообщая С. Ф. Платонову нюансы визита немецких археологов на Эски-Кермен, А.И. Маркевич заметил, что «Эрнст и Репников вели себя корректно в кругу гостей-немцев». Он добавил: «Это было нелегко». При этом рассказал о своей роли в увещевании обоих не выносить конфликт на суд иностранцев «ради достоинства науки» [41].

По заданию Наркомпроса Крымской АССР Николай Львович занимался финансовыми расходами по приему делегации совместно с А.И. Маркевичем. Он и ученый хранитель Музея антропологии и этнографии АН СССР Александр Михайлович Мерварт (1884–1932) были переводчиками и постоянно сопровождали немецких гостей во время поездки в деревню Черкесс-Кермен (Бахчисарайский район) совместно с наркомом просвещения Крымской АССР Мамутом Недимом, по другим местам горного Крыма. Профессор И. Зауер вскоре вернулся в Германию, а Г. Финдейзен остался в Бахчисарае, где самостоятельно занимался подбором и закупкой предметов для крымскотатарской коллекции своего музея [42].

Из идеи организации совместных советско-германских исследований так ничего и не вышло, практически все вдохновители и участники этих событий с советской стороны вскоре были репрессированы. На допросах Николай Львович так вспоминал об этих событиях:

Я с Платоновым встречался дважды в строго научной обстановке: в 1926 г. на Керченской археологической конференции и в 1927 г. на Археологической конференции в Херсонесе в Севастополе. Он человек очень хитрый и умный и большой дипломат. Ольденбург Сергей Федорович известный исследователь Индии был долгие годы неперменным секретарем Академии наук СССР и ее членом. Так же, как Платонов, он имел обширные заграничные научные связи и содействовал всяким научным сношениям и был к тому обязан по должности секретаря Академии. Также человек большого ума, выдержки и дипломатичности. О какой-либо его связи с германской разведкой я ничего не знаю. Встречал я его раза два на краеведческих конференциях в Москве. Они оба, Платонов и Ольденбург, организовывали и проводили в Академии наук [...] этой экспедиции Зауэра–Финдейзина. Были ли у них при этом какие-либо преступные намерения, я не знаю. Так как оба они меня знали, и нужен был компетентный археолог для сопровождения экспедиции по маршруту в Крыму, то Академия наук поручила это мне, тем более, что делу содействовало также Таврическое Общество Истории и Археологии [Таврическое общество истории, археологии и этнографии – *ист.*] в лице его председателя проф. Маркевича А.И., бывшего в тесных дружеских отношениях с Платоновым. Считаю эту делегацию гостей Академии наук и беря на счет Академии все расходы по ее проведению, Академия поручила оплачивать все эти расходы и перевела для этого на мое имя под отчет деньги (сумму я не помню) через бухгалтерию Крымнаркомпроса, в которых я потом и отчитался. Профессор Зауэр был здесь во время экспедиции, конечно, в штатском платье, но по его некоторым мелким характерным особенностям, по манере говорить он производил на меня впечатление католического священника,

каковых я встречал когда-то в Германии и каковые часто состоят в числе профессоров университетов католических частей Германии. Поэтому я про себя и заключил, что он, видимо, католический паптер, но его самого не спрашивал. Финдэйзен по манерам, движениям, осанке произвел на меня впечатление человека, прошедшего военную школу, вернее всего – офицера запаса, но и его я об этом не спрашивал и сделал лишь такое заключение про себя [43].

В дальнейшем Н.И. Эрнст был полностью устранен от исследований на Эски-Кермене. Государственная академия истории материальной культуры, стремясь возглавить изучение «готского вопроса», по протекции В.И. Равдоникаса пригласила с 1 декабря 1929 г. Н.И. Репникова занять должность научного сотрудника 1 разряда в составе разряда средневековых культур Европы и Передней Азии. Сам В.И. Равдоникас с конца 1930 г. возглавил отдельную Готскую группу в составе сектора Архаической формации ГАИМК. Здесь же работали Н.И. Репников, А.А. Спицын, Ф.И. Шмит при участии «сотрудников-добровольцев» (Н.И. Артомонов, А.Н. Бернштам, Е.В. Вейрман, П.П. Ефименко, Н.В. Малицкий, Л.А. Мацулевич) [44].

Н.И. Репников также не избежал ареста – в марте 1931 г. Однако в заключении он находился недолго (освобожден в мае 1931 г.) [45]. Начиная с 1932 г. в документах ГАИМК упоминания о Готской группе отсутствуют, что связано с арестами ученых по «Академическому» делу и «Делу славистов» и обвинениями в шпионаже в пользу Германии. Так, в январе 1930 г. был арестован А.М. Мерварт [46], а в ноябре 1933 г. как немецкие шпионы были арестованы Н.В. Малицкий и Ф.И. Шмит [47].

Раскопки в Эски-Кермене в 1927–1939 гг. проводились совместно ГАИМК и Центральными государственными реставрационными мастерскими. В 1928–1930 гг. так также работала группа из Музея антропологии и этнографии АН СССР

Эски-Керменская экспедиция Севастопольского музея краеведения (в центре – Н.И. Репников)

и экспедиция Главнауки Наркомпроса РСФСР. В 1932 и 1933 г. экспедиции на Эски-Кермен организовал Государственный Исторический музей. В 1936 и 1937 г. экспедиции проводило Севастопольское музейное объединение, которым руководил Н.И. Репников. Постоянно работали и отдельные экспедиции ГАИМК под руководством Ф.И. Шмита (1930, 1932 и 1933 г.), Н.И. Репникова (1931 г.), В.И. Равдоникаса (1934 г.) [48].

Сборник материалов Эски-Керменской экспедиции ГАИМК, подготовленный к печати в 1934 г., увидел свет в следующем году. В его формировании приняли участие основные фигуранты изучения крымского указанного памятника: В.П. Бабенчиков (2 статьи), А.Н. Бернштам, В.Е. Вейрман (3 статьи), Г.И. Петров, Н.И. Репников (4 статьи). Конечно, материалы Н.Л. Эрнста не были приняты к рассмотрению.

Грустные они – черновые страницы кривоведения – пример противостояния крупных ученых, каждый из которых был по-своему и прав, и не прав одновременно. Сколько энергии нервных ресурсов уходило на эту многолетнюю научную тяжбу, поиски союзников, бесконечные взаимные обвинения и оправдания, обсуждения в научных коллективах, обществах, организациях... Личностный фактор в науке, умение находить общий язык с коллегами или, наоборот, антагонизм в отношениях, всегда играли свою роль в истории науки. Не исключение, к сожалению, и наши дни...

Джерела та література

1. О.К.Э. Гриневиче см.: *Латышева В.А. К.Э. Гриневич как археолог* / В.А. Латышева // Древности, 2004: Харьковский историко-археологический ежегодник. – X., 2004. – С. 284–294.
2. Алексей Степанович Башкиров (1885–1963) – историк-кривовед, доктор исторических наук, профессор. После окончания Санкт-Петербургского университета и столичного Археологического института работал в Русском археологическом институте в Константинополе, позже – Петроградском университете. В дальнейшем преподавал в Московском, Самарском университетах, Калининском, Московском имени В.П. Потемкина, Ярославском имени К.Д. Ушинского педагогических институтах. В последнее – заведовал кафедрой всеобщей истории. С 1924 по 1933 год являлся сотрудником Государственного Исторического музея. С 1924 по 1934 годы – действительный сотрудник Института археологии и искусствознания и Института народов Востока РАН.
3. Илья Николаевич Бороздин (1883–1959) – историк-антиковед, востоковед, археолог, историограф. С 1909 г. – член-корреспондент, с 1911 г. – действительный член Русского археологического общества, секретарь Археографической комиссии Московского археологического общества. Родился в Ярославле в дворянской семье. Окончил 3-ю московскую гимназию и историко-филологический факультет Московского университета (1907). Редактор и составитель «Биографического словаря» членов Московского археологического общества. До 1917 г. преподавал историю в гимназии и в Народном университете Шанявского в Москве, активно сотрудничал с журналом «Гермес». После октябрьских событий 1917 г. – профессор Военно-хозяйственной академии РККА, один из руководителей советского востоковедения – заведующий историко-этнологическим отделом и член Президиума Научной ассоциации востоковедов (с 1921 г.). Сотрудничал с Институтом народоведения, заведующий отделом Советского Востока Музея восточных культур. Преподаватель, затем заведующий кафедрой Московского государственного педагогического института им. А.С. Бубнова. Один из организаторов Общества культурных связей с заграницей (1930). В 1924 г. совместно с А.С. Башкировым посетил Крым, где

- изучал древности Гераклеийского полуострова. С 1925 г. возглавил экспедицию Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народный Комиссаров Крымской АССР, проводимую совместно с Научной ассоциацией востоковедения в Старый Крым по изучению архитектурных памятников крымских татар. В 1935 г. был арестован и выслан в Алма-Ату. В 1937 г. был вновь арестован и осужден на 10 лет лагерей, но через 5 лет был освобожден. Преподавал в Ашхабадском педагогическом институте и Алма-Ате. С 1947 г. – профессор, в 1949–1959 гг. заведующий кафедрой всеобщей истории Воронежского государственного университета.
4. Архив Главного управления Службы безопасности Украины в Автономной Республике Крым (далее – Архив ГУ СБУ АРК), ф. 8, оп. 1, д. 010598, т. 1, л. 147.
 5. Новые публикации о Н.И. Репникове см.: *Герцен А.Г.* Неизвестный документ из наследия Репникова / А.Г. Герцен // In situ: К 85-летию профессора А.Д. Столяра / СПб. гос. ун-т – СПб., 2006. – С. 386–401; *Герцен А.Г.* Н.И. Репников о Мангуте / А.Г. Герцен // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2007. – № 17. – С. 30–38; *Королькова Л.В.* Н.И. Репников – исследователь Северо-Запада России / Л.В. Королькова // Невский археолого-историографический сборник: К 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова. – СПб.: Издат. д-тм Санкт-Петербургского ун-та, 2004. – С. 188–119; *Непомнящий А.А.* «Поки оберігасмо та рятусемо, де можна, але це дуже важко...»: Невідомі матеріали з історії пам'яткоохоронної роботи в Криму за матеріалами листування А.І. Маркевича та С.Ф. Платонова / А.А. Непомнящий // Праці Центру пам'яткознавства: Зб. наук. праць / Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПШ. – К., 2008. – Вип. 13. – С. 201–226; Вип. 14. – С. 133–156.
 6. О деятельности Севастопольского музея краеведения см.: *Акимченков В.* Севастопольский музей краеведения в изучении тюркских памятников средневекового Крыма / В. Акимченков // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні: Зб. наук. праць / Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПШ. – К., 2010. – Вип. 19. – С. 484–487; *Акимченков В.В.* Севастопольский музей краеведения и крымоведческие исследования / В.В. Акимченков // Сіверщина в історії України: Зб. наук. праць / Нац. заповідник «Глухів»; Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПШ. – К.; Глухів, 2010. – Вип. 3. – С. 332–336; *Акимченков В.В.* Невідомі сторінки з історії кримознавчих студій 20-х – 30-х рр. XX ст. / В. Акимченков // Матеріали 9-ї Всеукраїнської наукової конференції «Актуальні питання історії науки і техніки». 7–9 жовтня 2010 року. м. Житомир / Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПШ. – К., 2010. – С. 95–97; *Он же.* Сторінки історії кримського краєзнавства у 20–30-ті роки XX сторіччя / В.В. Акимченков // Конотопські читання / Конотопський міський краєзнавчий музей. – Конотоп, 2010. – Вип. 1. – С. 4–10.
 7. О деятельности Центральных государственных реставрационных мастерских в Крыму см.: Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: Исследования и документы / Авт.-сост. А.В. Хливнюк; Под ред., вступ. ст. А.А. Непомнящего. – Симферополь: СГТ, 2008. – 240 с. – (Биобиблиография крымоведения; Вип. 11).
 8. Цит. по: *Тункина И.В.* К истории изучения «готской проблемы» в советской археологии в 1920-х – начале 1930-х гг. / И.В. Тункина // Труды II (XVIII) Всесоюзного Археологического съезда в Суздале / Ин-т археологии РАН; Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров: В 3-х т. – М., 2008. – Т. 3. – С. 250.
 9. О деятельности Российского общества по изучению Крыма – Общества по изучению Крыма см.: *Севастьянов А.В.* «...Работа Российского общества по изучению Крыма является в интересах Крыма крайне желательной...»: Документы архивов свидетельствуют / А.В. Севастьянов // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2006. – № 12/13. – С. 128–152; *Севастьянов О.В.* Журнал «Крым» як джерело з питань організації наукового кримознавства в 20-ті рр. XX ст. / О.В. Севастьянов // Українська періодика: історія і сучасність: Доповіді та повідомлення Десятої Всеукраїнської науково-теоретичної конференції, Львів, 30–31 жовтня 2008 р. / Львівська наукова б-ка ім. В. Стефаника. – Львів, 2008. – С. 328–336; *Он же.* Десять років на службі краєзнавству: Російське товариство з вивчення Криму (1922–1932 рр.) / О.В. Севастьянов // Краєзнавство. – 2009. – № 3/4. – С. 96–102.
 10. *Тункина И.В.* Указ. соч. – С. 249–250.

11. Имя одного из крупнейших российских историков – академика АН СССР Сергея Федоровича Платонова (1860–1933) только в последнее время заняло свое достойное место в истории крымоведения. Выпускник Историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1882), он довольно быстро, уже в 1899 г., стал профессором этого вуза. В течение многих лет в досоветский период С.Ф. Платонов выполнял обязанности декана историко-филологического факультета. Одновременно он являлся директором столичного Женского педагогического института, сотрудничал с Академией Генерального штаба и Военно-юридической академии, преподавал членам императорской фамилии.
12. Основы «школы» С.Ф. Платонова были заложены в 90-х годах XIX века. Возглавив кафедру русской истории столичного университета, ученый воспитал крепкое научное направление, получившую название «Петербургской школы русских историков», или «Школы Платонова». Ее отличительной особенностью были ярко выраженный объективизм и ориентация исследователей преимущественно на источниковедческие разыскания, изучение исторического материала. С.Ф. Платонов являлся одним из наиболее читаемых русских историков. Этому способствовало издание гимназического учебника по русской истории, который в досоветское время выдержал десять тиражей (последний – в 1917 г.). О С.Ф. Платонове см.: *Брачев В.С.* Крестный путь русского историка: Академик С.Ф. Платонов и его «дело» / Б.С. Брачев. – СПб.: Стомма, 2005. – 450 с.; *Непомнящий А.А.* Новые материалы по крымоведению: К переписке А.И. Маркевича и академика С. Ф. Платонова / А.А. Непомнящий // Сучасні проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини: Зб. наук. праць з мистецтвознавства, архітектурознавства і культурології / Ін-т проблем сучасного мистецтва Академії мистецтв України. – К., 2007. – Вип. 4. – С. 98–144.
13. Российская национальная библиотека, отдел рукописей (далее – РНБ ОР), ф. 585, оп. 1, д. 3486, л. 28.
14. Там же, л. 29.
15. *Непомнящий А.А.* До біографії Миколи Ерста: Нові документи з архівів Санкт-Петербурга та Києва / А.А. Непомнящий // Красзнавство. – 2009. – № 3/4. – С. 118–126.
16. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3487, л. 3–4.
17. Архив Российской академии наук, ф. 518, оп. 3, д. 1909, л. 1–1 об.
18. Об этом см.: Комиссия по истории знаний, 1921–1932 гг.: Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук: Сборник документов / Сост. В.М. Орел, Г.И. Смагина. – СПб.: Наука, 2003. – С. 6, 10–11; также см.: *Тункина И.В.* К истории сборника «Русская наука» // Там же. – С. 637–659.
19. Комиссия по истории знаний... – С. 258–260.
20. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3487, л. 7.
21. *Платонов С.Ф.* [Об археологических исследованиях Н.И. Репникова в Крыму: Предисловие к статье В.И. Равдоникаса] / С.Ф. Платонов // Вестник знания. – Л., 1929. – № 7. – С. 290.
22. Государственная Третьяковская галерея, отдел рукописей, ф. 68, оп. 1, д. 322, л. 1, д. 323, л. 1–2; д. 324, л. 1–3.
23. Подробнее см.: «Не закрываю глаз на сложность, трудность и ответственность предстоящей работы в области охраны и изучения памятников Крыма...»: Письма Н.И. Репникова к И.Э. Грабарю / Подг. предисл., комм. Е.А. Теркель // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2006. – № 14. – С. 212–223.
24. Владислав Иосифович Равдоникас (1894–1976) – археолог, историк первобытного общества, доктор исторических наук (1935 г., без защиты), член-корреспондент АН СССР (1946). Выпускник Петроградского университета (1923) ученик Н.Я. Марра и А.А. Спицына; организатор, преподаватель и заведующий Тихвинским педагогическим техникумом (1921–1927), председатель Комиссии по изучению Тихвинского края (1923–1928) и директор Тихвинского краеведческого музея. С 1927 г. проживал в Ленинграде. В 1927–1930 гг. – аспирант Института языка и мышления АН СССР. Доцент (1929–1931), профессор (1931–1945), заведующий кафедрой археологии (1936–1948) Ленинградского государственного университета. Одновременно в 1931–1937

- гг. – научный сотрудник Музея антропологии и этнографии АН СССР, заведующий Отделом доклассового общества (1932–1935) и сектором (1931–1936) Государственного Эрмитажа, заведующий сектором (1937–1947), заместитель директора (1944, 1946–1952) Института истории материальной культуры АН СССР, основатель и редактор сборника «Советская археология». В конце 20-х – начале 30-х годов XX в. В.И. Равдоникас, несмотря на то, что он в то время не являлся членом партии, стал лидером «новой» марксистской историко-материалистической археологии. 22 июля 1929 г. В. И. Равдоникас был специально командирован Государственной академией истории материальной культуры в Крым для участия в Эски-Керменской экспедиции.
25. Институт истории материальной культуры Российской академии наук, научный архив, рукописный отдел (далее – ИИМК РАН НА РО), ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 40, л. 45–57.
 26. Там же.
 27. Там же, л. 58–58 об.
 28. *Тункина И.В.* К истории изучения... – С. 249.
 29. См.: *Непомнящий А.А.* История и этнография народов Крыма: Библиография и архивы (конец XVIII – начало XX века) / А.А. Непомнящий. – Симферополь: Доля, 2001. – С. 118, 666.
 30. *Платонов С.* Записка об ученых трудах проф. Ф.А. Брауна / С. Платонов, И. Крачковский, С. Ольденбург // Известия Академии наук СССР. Сер. 6.– Л., 1927.– № 18.– С. 1517–1520.
 31. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 28, л. 66.
 32. Там же, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 251, л. 15 об.
 33. *Непомнящий А.А.* Новые архивные документы к истории изучения Эски-Кермена / А.А. Непомнящий // Проблемы континуитета в византийской и поствизантийской истории: Тезисы докладов XIII Международных Суэзовских чтений. Екатеринбург 18–20 ноября 2010 года / Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького.– Екатеринбург, 2010.– С. 75–78.
 34. Подробнее см.: *Брачев В.С.* Крестный путь русского историка... – С. 307.
 35. Архив ГУ СБУ в АРК, ф. 8, оп. 1, д. 010598, т. 1, л. 121.
 36. Там же.
 37. И.В. Тункина называет и третьего ученого из Германии, который прибыл в сентябре 1929 г. в Крым для осмотра Эски-Кермена – это основатель и руководитель Восточноевропейского семинара на философском факультете Гамбургского университета, профессор Р. Саломан (см.: *Тункина И.В.* К истории изучения... – С. 250).
 38. Архив ГУ СБУ в АРК, ф. 8, оп. 1, д. 010598, т. 1, л. 121–121 об.
 39. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3487, л. 13–14.
 40. Там же, л. 17.
 41. Там же, л. 18.
 42. Там же, ф. 585, оп. 1, д. 3487, л. 21 об. Подробнее см.: *Непомнящий А.А.* «Пока оберегаем и спасаем...»: Неизвестные материалы по истории кривошедия в переписке А.И. Маркевича и академика С.Ф. Платонова / А.А. Непомнящий // Историческое наследие Крыма.– Симферополь, 2006.– № 16.– С. 138–165.
 43. Архив ГУ СБУ в АРК, ф. 8, оп. 1, д. 010598, т. 1, л. 121 об.
 44. Там же, л. 148–148 об.
 45. *Тункина И.В.* К истории изучения... – С. 250; *Она же.* А.А. Спицын и Готская группа ГАИМК / И.В. Тункина // История и практика археологических исследований: Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, профессора Александра Андреевича Спицына. Санкт-Петербург, 26–30 ноября 2008 г. / Под ред. Е.Н. Носова, И.Л. Тихонова; СПб. ун-т.– СПб.: Издат. дом СПб. ун-та, 2008.– С. 199–203.
 46. ИИМК РАН НА, РО, ф. 2, оп. 1 (1930 г.), д. 10, л. 160.
 47. Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в Советский период (1917–1991) / Сост. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.– С. 265–266.
 48. *Тункина И.В.* А.А. Спицын и Готская группа... – С. 202–203.
 49. Там же.– С. 203.

Непомнящий А.А. Микола Ернст і Микола Рєпніков: до історії одного конфлікту

До наукового обігу вводяться невідомі раніше матеріали щодо археолога Миколи Ернста – визначного музеєзнавця, організатора пам'яткоохоронної справи в Криму. Розвідка є цікавим джерелом для вивчення науки на території Кримського півострову в 20-х роках ХХ ст., зокрема – т.зв. готської проблеми.

Ключові слова: Микола Ернст, «готська проблема», Микола Рєпніков.

Непомнящий А.А. For Nikolay Ernst's and Nikolay Repnikov's Conflict

The earlier unknown collection of letters written by the archeologist and the prominent expert on the Crimean studies Nikolay Ernst, who was a person of note in the musicology and also the organizer of the archeological sites' protective campaign, came into use of scientists.

Key words: Nikolay Ernst, protection of the monuments, Eski-Kermen, Nikolay Repnikov.

УДК 94(477-25)

В.М. ПОГОРІЛИЙ

М.В. Закревський – автор першої енциклопедії пам'яток історії Києва

У статті розповідається про складний життєвий і науковий шлях видатного українського історика й етнографа М.В. Закревського, що у 1868 р. видав книгу «Описание Киева», яка представляє собою енциклопедію пам'яток історії Києва. М.В. Закревський був не тільки учнем Київської гімназії, в якій викладав «перший історик і археолог Києва» М.Ф. Берлінський, але і продовжувачем його наукового дослідження історії Києва. М.В. Закревський також займався збиранням українських пісень, дум, прислів'їв.

Ключові слова: М.В. Закревський, М.Ф. Берлінський, пам'ятки історії, топографія, Київська вища гімназія, учень, учитель, дослідник, книга, Київ, Москва, Санкт-Петербург.

У 2011 р. минає 175 років від часу виходу першої значної наукової праці українського видатного дослідника пам'яток історії Києва М.В. Закревського (1805–1871) «Очерк истории Киева» [1]. Але найбільш значним і неперевершеним до цього часу його науковим дослідженням є двохтомне «Описание Киева» [2]. Над ним М.В. Закревський працював біля 35 років й воно стало надовго настільною книгою багатьох поколінь дослідників пам'яток історії Києва, не втрапивши наукової цінності й дотепер. Його неперевершені мапи історичної реконструкції топографії Києва, починаючи з Х ст. до 1800 р., в якості ілюстрацій неодноразово публікувалися у виданнях ХХ та ХХІ ст. [3].

Незважаючи на згадані його капітальні наукові праці М.В.Закревського, незвичайна біографія дослідника-